

Илья Новокшенов

Дайте мне точку
опоры!

Илья Новокшенов

Дайте мне точку опоры!

«Автор»

2021

Новокщенов И.

Дайте мне точку опоры! / И. Новокщенов — «Автор», 2021

Музыкально несосредоточенная повесть об обычном парне Сереге, который отправляется на дачу, чтобы единолично (или не совсем?) воплотить новый этап своей жизни в реальность.

© Новокщенов И., 2021

© Автор, 2021

Илья Новокшенов

Дайте мне точку опоры!

Трек первый.

"Да я даже не знаю, что там за дверью в лето!"

Девятнадцатое по счету двадцать шестое июня в своей жизни почти что меломан Серега Витальевич Смирной (или Серый, до официоза ему еще было далеко) начал с невероятного по своей продолжительности подъема с кровати, сопровождаемого кряхтеньем, оханьем, но, что самое главное, нытьем. В двушке, которую занимало данное тело со своей матерью и сестрой, такой уклад уже перестал вводить женскую часть населения в иступление, и первый час после пробуждения парень был предоставлен себе в полной мере. За это время он едва успевал встать, ибо спать получалось часов по пять. Свое совершеннолетие вчера он встретил на Инферно, о чем и был осведомлен нестройным, полусонным гулом "С др, Серый". Впрочем, за такую "наглость по отношению к семье" уже в час пополудни Серега сидел за праздничным столом, вкушая свой любимый оливье, и, как маленький мальчик, болтал своими длиннющими ногами от удовольствия.

Подарок обычно – это самая приятная часть дней рождений. Но была в стаде одна белобрысая овечка. Вот что ему могло не понравиться в ключах от дачи (с брелком-мишкой) и в благородно постаревшей акустической гитаре? Много чего, как выяснится позже. Он вообще-то сразу смекнул: мать просто опять взялась за старое. От сестры помощи не дождешься, конечно! В ее подневольных глазах читались лишь сочувствие, жалость и насмешка над старшим братиком. (Чуть в меньшей степени, справедливости ради. Впрочем, в достаточной, чтобы Серега про себя наговорил ей пару ласковых.)

В шахматах меньше вариаций ходов, чем случаев, когда гражданин Смирной проходил по делу "закапывания своего таланта в землю". Пять лет музыкалки проносились перед ним в кошмарах, которые вновь и вновь крутили образы бункера, которым, по сути, внесенный под основание родной гимназии юного виртуоза погреб и являлся; преподавателя по гитарному ремеслу, который, будто кобальд из подземелий, был страшен в гневе, но принести пользу он не мог в силу своей невероятно непедагогической природы. Но с куда более испуганным "Е-мое!" вспоминались сами гитарные потуги, когда по СТС начинались Смешарики, а в его квартире начинали раздаваться мотивы трижды проклятого "В траве сидел кузнечик". Столь упорные попытки выдавить очередные ноты из простой песенки оборачивались настоящим кошмаром. Мать выкручивала телевизор на максимум (во спасение), а самому младшему члену семьи оставалось лишь таить обиду на шестипалую скотину и на орущего очередную шутку Гарика Харламова.

Так семья и жила, пока наконец-то последний экзамен в подземелье не был сдан, учитель не забыт, а гитара не перестала совершать акты вандализма (возможно, из-за того, что в один прекрасный день мальчишка "случайно оперся" на неё, а та, неприятно бряцнув, роль подпорки играть не согласилась). На каждом это отразилось по-разному: мать почему-то уверовала в божественные способности своего сына к игре, сестра же Алиса сразу подписала с братом договор о "бесконечной тишине", по которому каждое превышение уровня децибел со стороны Смирного С.В. позволяло Смирной А.В. этот самый уровень превысить вдвое, дабы оповестить провинившуюся сторону о нарушении (впрочем, Серега сам был рад прекратить этот водевиль, что сблизило его с сестренкой еще больше). Сам же маэстро понял, что при следующей встрече с гитарой на пустой дороге живым уйдет только один. А ног у гитары не наблюдалось.

И вот картина маслом. Застывшая в руке ложка праздничного салата, сияющая самым ярким блеском от своей упомрачительной идеи Людмила Ивановна и сестра, раздираемая

одновременно и сочувствием, и смехом, и страхом, ибо снова слушать эти гитарные конвульсии будущей одиннадцатикласснице ой как не хотелось. Сейчас мы попробуем проследить за всем спектром эмоций Сереги, итак, буквально на минутку вернемся назад:

– Что ж, Сереженька, ты знаешь, что ты – моя надежда и опора, и я тебя очень люблю. (Щечки зарделись, как у семиклассницы при вручении похвального листа.) И я хотела бы подарить тебе это. (Появляются ключи, шальная мысль о машине затемняет взор героя, но тут он видит брелок с елочкой – это ключи от дачи; взгляд полон скепсиса.) Да, это тебе переходит на все лето, чтобы и ты побыл один, где надо, по своим делам, может девочку привел. (Серега на этих словах одновременно издает нервный смешок и заливается краской – "Ну какие девочки, мааам!") Да, и еще кое-что. (Ну теперь точно машина, или ноутбук, или, или, или...) Вот, смотри-ка, что я сумела достать – твоя старая знакомая! (В один миг у парня душа стеклась по стенкам организма в пятки, а воздух кончился, захотелось закрыть глаза и не проснуться, но-но-но-но его же никто сейчас не заставит, правильно?) Я записала тебя на один конкурс в июле, а победитель получит пятьдесят тысяч рублей, представляешь! (В голове начала проигрываться запись падения самолета с невероятно громким гулом. Лето умирало прямо на его руках...)

Почему же он просто не отказался от участия? Дело в том, что Серый имел твердую позицию: если ты ступил на дорожку из желтого кирпича, то сворачивать права у тебя нет. Именно поэтому таких дорожек он в жизни своей успешно избегал, ведь ему казалось, что ничего заурядней его существования на свете придумать было нельзя. В десять лет он собирал карточки Черепашек-ниндзя, но оборвавшееся на середине коллекции финансирование обрушило планы волка-зубами-щелка с Ленина-стрит. Со злости он отдал за бесценнок стоящим у туалетов (черный рынок, сами понимаете) брокерам все честно нажитое и домой вернулся весь в слезах, но с жвачкой во рту. Но это вишневое счастье длилось недолго. Мать всыпала за такие выкрутасы по первое число, "жувка" была конфискована, и ничто в мире не было способно утолить его горечь... Разве что обнимашки с мамой и последующий поход в парк, где Сережа мог выбрать любые аттракционы. Впрочем, в нем закрепилась уверенность в том, что ничего великого он сотворить не в состоянии.

Поэтому и появился в жизни комп. В нем не требовалось учить какие-то формулы или знать, как держать в руках инструмент. Все проходило легко и весело, особенно с друзьями. Отца парень не видел уже очень давно, по словам матери, он был "прирожденным раздолбаем", оттого статус главного в доме как-то сам собой отошел парню к шестнадцати годам, и требовать выключить "свои стрелялки" мать уже не могла. Началась по-настоящему запойная эра.

Серый наиграл до выпускного включительно столько часов, сколько за это время появлялся в школе. Все его время было забито либо играми, либо их просмотром у других людей. Его связь с реальностью была настолько тонкой, что даже во сне ему покоя не было – бесконечные повторы всех предыдущих сражений всплывали перед ним, изматывая молодой организм даже в царстве Морфея. В экране выключенного монитора можно было узреть русые волосы с челкой на пол-лба в стиле "Маугли", голубые глаза с вкрадчивой апатией где-то в зрачке и скелетообразность всего, что было ниже шеи включительно. Трудно представить, что такое тело вообще способно носить голову на 195 сантиметрах над уровнем земли и при этом ходить. Да Серега особо и не усложнял себе жизнь ходьбой (а уж тем более бегом). Когда к ней приходилось-таки прибегать, над парнем всегда появлялось то самое облачко с бесконечно идущим дождем. Нахлобучивая капюшон, он делал волшебные движения руками в телефоне – а лучшая подруга делала жизнь жизнью. И шли они рука об руку уже который год – он и Музыка. С ней он был как за каменной стеной. (Вот же пристала к нему эта стена! Но об этом как-нибудь потом.) И что, так вот он не тужил и жил? Да я вас умоляю.

Звали ее Катей. Она появилась в начале последнего учебного года совсем внезапно, и также внезапно Сережка получил своего первого соседа по парте с десятого класса. Приятный

голос прошелестел "Привет", и парень сразу понял, что встрял по полной. Помолчав секунд пять, он выдал что-то между "Хей" и "Ха" и решил подбросить девушке быстрый взгляд. В глазах тут же потемнело – стало ясно, что такие трюки ему впредь будут не под силу. В классе Серегу прозвали Фонарем, так как смотреть он стал все время вниз. Но как только школа, как в залихватской комедии, давала парнишке пендель своими дверьми, он тут же нацеплял свои крылья и летел домой – восхищаться. Страницы в ВК и Инстаграме были засмотрены до дыр, лайки были поставлены везде. (Впрочем, не с основного аккаунта – за маньяка примет.) Как назло, улыбающаяся с фотографий "фемина олимпийского происхождения", как ее называл за глаза наш хомо слюнопусканиенс, была настолько неотразимо хороша, что до кнопки "Сообщения" его курсор или палец никогда не доходил. Как могла такая ответить ему? К сожалению, Серега стал заложником своих же страхов, ведь Кате он был вполне симпатичен. Проклятая скромность сгубила молодую любовь, как бы за нее не бились люди, не относящиеся к ней напрямую.

Алиска была девочка неглупая, да и уж больно все было очевидно: беспричинная улыбка, искрящиеся глаза, повышенная агрессия на нарушение личного пространства. Собственно, одно такое нарушение и стало последней каплей. На вопрос "Как ее зовут?" Серега сделал такое лицо, как будто сестра только что подлетела на пять метров, сделала тройное сальто и в полете назвала все двенадцать паролей на его компе. Отпираться было глупо, да и помощь лишней тут точно не была. За четыре месяца он произнес в сторону своей соседки ровно три слова, одно из которых – это "Прости" (Серому настолько некуда было деть руки в первый день, что он локтем заехал Кате в бок от всей своей нервозности), а другое – "Спасибо" (Катя, широко улыбнувшись, попыталась подзадорить казанову: "Да ничего страшного!", но к ее прекрасному голосу "дружелюбный сосед" все еще не привык, оттого мозг в спешке выкинул нечто совсем уж невразумительное).

Полтора часа Алиса убила на то, чтобы убедить брата в том, что он рохля. Но рохля, у которого есть все шансы завоевать сердце любимой дамы! Никакие бизнес-тренеры не ораторствовали так, как в тот день Алиса, и, казалось, свет в конце туннеля протянул Сереже свои лучистые руки. На следующий день он пришел в школу в полной боевой готовности, взгляд наконец-то был направлен выше девяноста градусов. Но судьба-злодейка знала, когда свистнуть воронок. Кто бы смог вспомнить в таком состоянии, что завтра уборка какой-то там территории? По итогу Серый выделялся среди четырех активистов в классе своим школьным серым костюмом и такого же цвета лицом. К такому жизнь его не готовила. Разученная за полдня вступительная речь к церемонии пошла, грустно кивнув на прощание. Вернувшись домой, он понял, что на еще один такой рывок ему попросту не хватит сил. Это окончательно убедило его в своей полной беспомощности. Заставшая воющего в подушку брата Алиса решила, что клин клином вышибают, и сама разревелась, как в старые добрые.

Давным-давно, тогда еще пятилетняя Лиска (Лисой мог называть только брат, да и то лишь в крайних случаях утраты речевых способностей) была ограблена каким-то семилетним бугаем – изъяли любимую лопатку. Захлебывавшаяся несправедливостью девочка смогла указать цель Сережке, который в два прыжка преодолел расстояние сначала от своей песочницы до сестры, а потом от сестры до грабителя. Никогда доселе она не видела, чтобы у брата был настолько полный решимости взгляд. Серый тогда не спускал обид, а когда речь касалась сестренки, то его было не остановить и сейчас. Развернув обидчика лицом, он издал настолько сильный вопль "За Алиску!", что до драки дело толком и не дошло. Один удар ведерком по голове, рука злодея, не обдумавши сложившуюся ситуацию, разжалась, и с лопаткой была плутовка такова. Победоносно вручив инструментарий обратно, Сережка опустил рядом с сестрой, расплывшись в улыбке победителя. "Ууу, рева, вот твоя лопатка!" – на этой чудесной фразе инцидент и был исчерпан.

Брат и сейчас остаться в стороне не смог. Отклеив лицо от подушки, он неловко устался на стоящую посреди комнату и пухнущую от слез сестру.

– Ты-то тут чего реवेशь? У нас у всех сегодня такой паршивый денек?

– Она отказала тебе, да? У нее уже кто-то есть? Кто, кто этот...

– Да не пришла она сегодня! Как же этот мир неспра...

Три секунды девушке понадобилось, чтобы понять, что только что было сказано. От возмущения ее лицо стало еще краснее, а еще через три секунды она набросилась на Серого с кулаками.

– И ты! (по спине) Из-за этого! (по ногам) Распустил! (куда-то в район предплечья) Сопли, НЫТИК (сокрушительная длань обрушилась в форме подзатыльника, удар был крепок и звонок)! Завтра ты пойдешь делать то же самое, понятно, дурень?

Он кивнул, прекрасно отдавая себе отчет в том, что никогда этого не сделает. Через два месяца у Нее на аватарке в злобной насмешке кривлялся парень. Это был крах. (Особенно для сестры, ибо ее труд улетел в трубу. Запала Сереге пока что явно не хватало.) Еще месяц мальчишка залечивал свои душевные раны, вырубая в себе остатки прошлого чувства. Дни тянулись медленно, и, как полагается, мучительно. Старый приятель-компьютер не ускорял время, как это бывало обычно, а читать его никогда не тянуло. Оставалось просто лежать у себя на кровати, слушать меланхоличные песни и жить обычной жизнью. Нахождение в школе стало отвратительнее, чем когда-либо. Чтобы попытаться спасти себя от бесконечной боли, Серега уходил в чертоги своего разума, слоняясь на переменах от кабинета к кабинету, как потерявшийся в толпе маленький мальчик. Но день менял другой, и парень просто устал страдать. Однажды он вернулся домой, подошел к сестре, обнял ее, вздохнул полной грудью, и, войдя в свою комнату, нажал на системном блоке на запыхавшуюся и уже давно заждавшуюся своего хозяина кнопку подачи питания. Теперь лишь редкими, особо грустными вечерами он заходил на ту самую страницу, смотрел на фотографии (быстро перелистывая аватарку) и вздыхал о невозвратных и далеких деньках, когда в нем было хоть что-то настоящее.

А меж тем постименинный соня, наконец, был готов встретить новый день всей своей любящей душой. Но на Вселенском наблюдательном посту сегодня было скучно, а издевательства над доброй натурой вызывали в них, видимо, чувство собственного превосходства. Тут же в белобрысой голове вспышкой промелькнули вчерашние события, и настроение моментально пошло на дно. Ссылка на месяц без компа и под мышку с гитарой – отдых обещал райские наслаждения! Как бы для самоуспокоения Серега дважды громко вздохнул и выполз на свет божий в коридор.

На часах две стрелки стояли по стойке смирно. В коридорах уже стояли несколько рюкзаков с вещами и тюков с едой – переезд на дачу был назначен на сегодняшнюю дату. Уставившись на все это барахло, парень начал подгружаться. Столько баулов ему было в жизнь не донести в целости, учитывая, что ехать надо было на автобусе. Вопрос о вещах стоял ребром. Отвиснув, Серега направился в цитадель матери. То есть на кухню. Там играл горячо любимый мамой Чиж.

– Доброе утро, мам. Вы меня, я так понял, отправляете не на месяц, а на целый год вперед? Учти, зимой я выжить не смогу – не обучен.

– Доброе, сынок. Слабое нынче поколение, слабое. Эх, а сколько вас таких уходило в лес...

– Тебе все шутки, мама. Я же не верблюд и не ишак! (– Еще какой верблюд! – Алиска, давно не щекотали? – Да все, молчу я.)

– Конечно, нет. Да, пожалуй, об объемах стоило подумать. Сейчас тогда с тобой быстренько лишнее уберем, да?

...Шел второй час Модного приговора. Серега с пеной у рта доказывал, что без футболки Акинфеева с его же автографом ему нельзя будет показываться на глаза туземцам. Мать тоже

спуску не давала: на даче такую порвать было раз плюнуть, да и слово "стирать" и Серый никогда еще не пересекались в одной плоскости. Серега поминутно сдавал позиции, пена, как у просроченного огнетушителя, начинала терять свой эффект. Нужен был вариант для контратаки! И тут, как в игре, из-за набранных прежде очков опыта открылась новая функция в диалоге – "Канючить". Через три минуты мучения бесконечными "Пожаалуиста", произносимыми сюсюкающим голосом, Людмила Ивановна капитулировала.

– Но если с ней что-то случится, я имею право на одно "А я же говорила!"

– По рукам!

Теперь можно было пройти последний раз по квартире. Выйдя на балкон на кухне, ему вдруг подумалось, что все не так уж и плохо. Городской досуг перестал видаться таким уж распрекрасным, как казалось до этого. Друзья, как обычно летом и бывает, перешли на более реальный образ жизни, и бобылем сидеть расхотелось окончательно. "Что ж, гитара, из нас двоих "Укрощение строптивой" смотрел только я!" – плюнув в городскую бездну с высоты шестого этажа, парень дальше отправился по дороге памяти.

Родная комната источала милые сердцу феромоны затхлого воздуха и пота. От переизбытка чувств шальная мысль проскочила сама собою: "А может, одну игру, пока не уехал?". Но желтая дорожка незаметно подложила-таки под ступни парня свои кирпичики. Отступить было нельзя. Бесповоротно нельзя! Постучав по дверному косяку, как бы отбивая кулачок с родной обителью, Серый пошел дальше. В комнату сестры заходить явно не стоило. Жива была еще память о сильных женских руках. Значит, пора направляться к последней станции.

Сумки подвсхлуднули к лету, а в процессе самые толстые отсеялись вовсе. Согласились, что еда есть и в магазине неподалеку (неподалеку по дачным меркам – полчаса ходьбы), а дополнительные вещи в случае чего будут доставлены сестрой. У последней сегодня было на редкость веселое настроение. Она тоже по сути оставалась одна (мать работала), да еще и напротив стоял манекен, сбежавший из магазина для туристов: на голове панамка, за спиной гитара, на плечах по сумке, в руках по пакету. Ничто так не придает бодрости духа, как глупый вид человека напротив (особенно когда этот человек – старший брат). Меж тем пришла пора прощаться. Мать поцеловала сына, вздохнула и дала последнее напутствие:

– Сынок, повеселись там. Я знаю, ты думаешь, что я на старости лет сошла с ума, и вообще тебя ссылаю, – тут Сереге стало стыдно за хоть и маленькую, но все же долю правды в словах мамы, – но мне хочется, чтобы ты нашел для себя и в себе что-то новое. Обещаешь попробовать?

Сын, конечно же, пообещал. Кивнув, Людмила Ивановна отошла в сторону. Алиска тут же отозвалась:

– Да уж, как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!

Молодняк тут же прыснул.

– Все, братик, не кисни. Постарайся не помереть, пока я не приеду, окей? А то лопатой себе по башке дашь, и кто ж тебя, беднягу, найдет? (– Алиса! – Ладно-ладно, мам, шучу я!)

Серый ухмыльнулся. Она все же знала толк в пронизательных поддевках. На этом Сережа и Алиса исполнили свой ритуал приветствия и прощания, который они подсмотрели ещё в дремучем детстве в каком-то американском фильме. Кулачок ударился сверху, снизу, и от удара костяшками пошли брызги.

– Ну, семья, не поминайте лихом!

С этими словами Серый решил отпустить земной поклон, но забыл о закрепленном на спине инструменте и получил от него по затылку. Выходил из квартиры парень под хохот сестры и в расстроенных чувствах.

Трек второй.

"Straighten up, little soldier"

Появляться на улице летом Сереге было не в привычку, и очень любезно было со стороны погоды выкрутить ручку на солнечной плите на максимум. Незадачливый гитарист мигом взмок, и теперь аналогия с верблюдом не казалась ему такой уж глупой. Кое-как пробиваясь через засаду пекла и духоты под извечного Эминема, Серега начал подумывать о покупке вентилятора на все выданные ему деньги. Но даже на такой жаре мысль быстро отправилась в утиль.

Первое, что увидел парень, притащившись на остановку – зад уезжающего автобуса. Естественно, того самого, который был нужен ему. Теперь предстояло ждать новый, который придет минут через сорок. Ноги подкосились сами, тело тяжело плюхнулось на маленькую скамейку. Поснимав с себя обмундирование, Серый выпил уже, видимо, дважды вскипевшую воду. Захотелось и облить голову, но, ослабев до неприличия, он лишь уставился на исходящий паром асфальт.

Улица пугающе походила на пустыню: на другом конце дороги плелся один-единственный бедуин, миражи приближающегося автобуса медленно сводили нашего странника с ума, а бутылка с водой мерещилась манящим оазисом, у которого стоило осесть навсегда. Серега на каждом втором выдохе припечатывал нецензурное словцо. "Если не можешь победить – поной" – проносилось по начавшим распрямляться от жары извилинам. В столь неблагоприятной для живых существ обстановке время запекалось, становясь настолько твердым, что парень чувствовал каждую секунду всем своим телом.

Рядом присели, и, что самое странное при такой духоте, заговорили:

– Благородный инструмент у вас, молодой человек. Вы умеете играть?

– А?

Серега не мог и подумать, что услышит здесь человеческую речь.

– Нет, но еду учиться. На дачу.

Голос (по признакам лет шестьдесят) удивился:

– На дачу? Я, признаться, не вижу логики.

– А я, знаете, тоже. Но впереди у меня конкурс. Да и маму подводить не хочу.

– А как же себя?

Ему точно было шестьдесят. Хотя вид у него был невероятно молодцеватый. Казалось, что 30-летний просто покрасил волосы в странный платиновый цвет. Серый задумался.

– Не знаю. Мы с ней, – кивок на инструмент, – не ладим. И в своих силах я не очень уверен. Но хоть что-то из себя изобразить я должен? Должен. Пока что хотя бы ради мамы. А там посмотрим.

Собеседник задумался в ответ.

– Я понимаю, молодой человек. Вас ни в чем нельзя винить. Но, спишите на чутье старика, все у вас получится. Возможно, не в одиночку. В одиночку-то да без опоры оно всегда труднее. Да. Так что вот вам мой добрый совет.

И усмешка у него подозрительная, ей-богу. ("Бенджамин Баттон какой-то!" – и я абсолютно с Серегой согласен.)

– Делайте все от вас зависящее, но не бойтесь в чем-то зависеть от других!

После небольшой паузы он добавил:

– Вообще кого-то вы мне напоминаете. Очень и очень сильно. Но кого?

– Да любого парня моего возраста, наверное. Знаете, всегда грело душу то (ну, или пекло, как в нашем случае), что я такой нескладный не один. Вы как считаете?

– А так и считаю. Ты же мне вот лучше и скажи – откуда такая неуверенность? У вас же столько возможностей!

– И все они непонятно где. Вроде и рядом, а нормально не ухватишь. Вот чего-то не хватает. А чего? Да фиг его знает. Поддержать, наверное, некому. Это я про сверстников – одобрение взрослых какая-то, ну, не очень помогающая что ли. Оу.

Дед Коля хорошо маскировался, но был, как-никак, взрослым.

– Это я не специально! Ваши слова мне все же были приятны. Эх.

Сергеа безнадежно махнул рукой на свою неловкость.

– Надеюсь, вы меня поняли.

Старичок спрятал улыбку за прищуром от солнца.

– Вполне.

... Жалко было, что дед Коля не жил с ним на одной линии. Впрочем, телефонами обменялись. Когда подъехал ненужный автобус, парень волей-неволей заревновал.

– И вот как это работает? Я тут сижу уже почти час, а вы только пришли и уже уезжаете, Николай Матвеич, ну что это такое!

И этот дедушка как-то совсем по-детски высунул язык и, что самое страшное, показал его ну уж очень обидно. Владелец обидного языка махнул рукой, лихо похватал вещи и растворился в недрах автобуса.

– Круууто.

И вот, когда казалось, что даже потеть скоро станет невозможно, вдали замаячил караван пустыни под номером 40. "Удобный автобус с прогнозом погоды, чтоб его!" – зло прошипел будущий дачник. Увидев забытые до отказа автобусные внутренности, захотелось взвыть. Весь этот день будто был сплошным вызовом, который с каждым новым этапом становился все изощренней. Пока Серый произносил «Господидачтожеэтозанаказаниетакое», появившийся рядом кусок раскаленного железа непринужденно открыл двери. Волна сбежавших запахов наконец-то ринулась на свободу, пихая других заключенных под бок, смешиваясь с ними еще больше, и вот она наткнулась на новенького. Особо опасные преступники, сидевшие за массовые убийства и террористические атаки, церемониться не стали. Встретившись со своим подельником-жарой, они вмиг обезоружили бедного мальчонку. Пакеты в руках затряслись, панамка погрузилась, а гитара осунулась под какой-то минорный аккорд. Не православно перекрестившись костяшками пальцев, новопреставившийся все же зашел на негнущихся ногах внутрь.

Шлепнув деньги за проезд, он огляделся. Нет сомнения, что автобус ехал напрямик из глубин ада. Грешники сидели, понуриив свои головы, обмахиваясь чем только можно. Свободных сидячих мест не было и в помине. Примостившись между дедом из семейства безмаечных (славятся своей особой, разъедающей все и вся вонью) и изможденной женщиной лет тридцати пяти, Сергеа оперся о горячее стекло (впрочем, тут же отпрянув в глубокой ошпаренности), чтобы хоть как-то сохранить личное пространство.

Город за окном вымер окончательно. Но откуда тогда, спрашивается, взялся полный автобус людей, которым приспичило смотаться на дачу именно сегодня? Но скажите мне: что может быть прекрасней деревянного, потрепанного коллектором по имени Время, дачного домика, который гордо возвышается среди всепоглощающей зелени цепких растений? Что способно заменить беседку, где семья собирается на водопой (а взрослые, может, и не только на водо-), под которой все тревоги и волнения уходят на второй план, а на план первый выходит столь милый душе эфир Радио Дача? И как забыть прекрасную пору, когда на небе появляются алые копыя солнца, и в это же время пленительный дым от готовящегося шашлыка вызывает у соседей черную зависть? Даже работа в огороде может вызвать приток ностальгии, когда солнце хлещет тебя своей плетью, а ты отработываешь свою рабскую долю, зная наверняка – ты вкусишь плоды столь божественные, что эти страдания покажутся абсолютно ничтожными. Дача – это настоящее место силы для городского жителя. Как только он переступит порог обшарпанной калитки, это место сразу же заключает его в свои природные объятия. Оно всегда радуется новым гостям, и люди всегда рады сменить религию на загородную, год за годом стекаясь в свои загородные резиденции тысячами. Удивительно прекрасный в своей простоте симбиоз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.